

Шэн Шаою только после утреннего совещания на следующий день сделал вид, что заметил сообщение.

Праздный и беспечный: Узнал.

Фигурное плавание: Господин Шэн, доброе утро! Сегодня утром я напекал печенек и отправил их курьером на ресепшен вашей компании. Не знаю, какие вкусы вы предпочитаете, поэтому сделал классические. Надеюсь, вы не станете брезговать.

— Зайди на ресепшен, заberi печенье. Там посылка для меня, — Шэн Шаою окликнул Чэнь Пиньмина, который еще не вышел из переговорной.

— Разве генеральный Шэн обычно не недолюбливает сладкое? — Чэнь Пиньмин опешил. С каких это пор его шеф пристрастился к сладостям? Шэн Сяо по традиции вообще не притрагивался к тому, что ему не нравилось.

— Съесть парочку время от времени — неплохо, — с хорошим настроением произнес Шэн Шаою, вспоминая слова Сяо Ланьхуа.

Вернувшись в кабинет и забрав печенье, он обнаружил на коробке прилепленный стикер: *Эта вторая партия печенья. У первой я не уследил за временем, и она немного подгорела, но я не стал ее выбрасывать и съел сам.*

(Хуа Лин: Черт знает, как мой брат ради того, чтобы научиться готовить десерты и еду, целых три месяца отпахал на кулинарных курсах. Тот, кто не в курсе, мог бы подумать, что холдинг Шэн Фан собрался менять профиль деятельности. Хорошо, что я с самого начала знала: на первые печенья можно только смотреть издаleка. На удочку попался один лишь братец Лун Цзо, которого одурачил милый и безобидный вид печенюшек.)

Праздный и беспечный: Подгорелое печенье лучше не есть, оно канцерогенно.

Фигурное плавание: Ничего подобного, я специально выплюнул обугленные кусочки.

Кто-то говорил, что человеческие чувства, подобно мышцам, поддаются тренировке. А метод тренировки заключается в том, чтобы испытывать чьи-то границы дозволенного и, как только человек уступит, подсластить ему пиллюлю. Например, если тот, кто терпеть не может сладкое, начинает ради вас мириться с десертами — это верный преденец зарождающейся любви.

План секретаря Хуа по приручению страсти запущен.

Каждый день господин Шэн получал от секретаря Хуа свежее печенье и записочку в придачу. Запивая это чересчур сладкое печенье чаем, господин Шэн от нечего делать изучил даже все посты секретаря Хуа в соцсетях.

[«А-а-а, утром не услышал будильник, примчался в офис на четыре минуты позже, прощай, моя премия за посещаемость (прикреплена картинка: плачущий котенок)». «Хотя характер у него так себе, в душе он мягкий и добрый человек, спасибо тебе, мой мистер Х (дата: день, когда Шэн Шаою полностью оплатил операцию младшей сестры)»...]

Постепенно стикеры заполнили весь ящик стола. Шэн Шаою находил это забавным: с каких это пор он опускается до детских игр в записочки? А под мистером Х он подразумевал то, что «Х» — это лишь смущение Сяо Ланьхуа, который не решается назвать его по имени открыто.

(Хуа Лин: Эх, это явный намек или уже прямое признание? Влюбленный братец совсем не похож на себя прежнего за последние десять с лишним лет. Любовь — и правда удивительная вещь.)

Но в последний месяц Шэн Шаою заметил, что печенье стало появляться значительно реже. С трех раз в неделю скатилось до одного, а сегодня он и вовсе не дождался фирменного стикера от секретаря Хуа.

— Неужели у товарища Сяо столько домашней работы? — пробормотал Шэн Шаою, гадая, куда же испарилось предназначенное ему печенье.

Праздный и беспечный: В последнее время посещаемость печенья стремительно падает. Мукомольный завод обанкротился?

Фигурное плавание: Господин Шэн, простите. Я тут переезжаю и, пожалуй, какое-то время не смогу печь для вас печенье.

Переезжает? Шэн Шаою тут же набрал его номер: — Почему ты вдруг решил переехать?

— В том месте, где я жил раньше, затевают снос трущоб. Хозяин велел съехать за три дня, но я столько квартир пересмотрел с риелторами, и все не то. Теперь придется ютиться у знакомых, а стеснять чужую кухню ради печенья как-то неудобно.

После нескольких месяцев общения они стали намного ближе друг другу. — Когда это случилось?

— На прошлой неделе. К тому же хозяин сменил на двери замок и заявил, что откроет только тогда, когда я вывезу все вещи, так что печь вам пока негде, господин Шэн.

Как раз в те дни печенье и пропало. Услышав в трубке мягкий и нежный голос Сяо Хуа, Шэн Шаою усмехнулся.

— Разве у моего секретаря такой мягкий характер только со мной? Неужели все замковых дел мастера в Цзянху разучились работать и не могут взломать простой замок?

— Срок договора аренды истек, к тому же хозяин не планирует продлевать сдачу. Господину Шэну не стоит учить плохиша дурным манерам.

Голос Хуа Юна звучал так сладко, что у Шэн Шаою защемило сердце.

Мысленно он прикинул: возле лабораторий Шэн Фан у него пустует просторная квартира, аренда которой по рыночным расценкам обойдется тысяч в сто в месяц. — У меня есть пустующая квартира рядом с лабораторией Шэн Фан, да и от вашей компании недалеко. Не хотите ли арендовать ее, секретарь Хуа?

В трубке царила тишина, и Шэн Шаою слегка занервничал: — Четыре комнаты, гостиная, тридцать тысяч в месяц. Что скажете?

Хуа Юн легко рассмеялся и чуть слышно вздохнул: — Господин Шэн, это слишком дорого, мне не по карману.

— А какой у тебя бюджет? — Шэн Шаою едва не сгорел от стыда за свое неведение. Как он мог забыть, как тот раньше экономил на всем, чтобы скопить какие-то двадцать тысяч?

— Две тысячи.

— В день?

— В месяц.

Две тысячи в месяц! В центре Цзянху вряд ли удастся снять на сутки приличный отель. Чтобы не выглядеть оторванным от жизни богатеем, он решил положить конец этому нелепому разговору.

— Ладно, две тысячи так две тысячи. Сегодня после работы я заеду за тобой и помогу переехать.

— Но, господин Шэн, так я буду должен вам еще больше. Это неудобно.

Голос Сяо Хуа оставался мягким и вкрадчивым.

— Ничего неудобного, долг платежом красен, тем более квартира всё равно пустует. Будешь отрабатывать аренду уборкой, а иногда, когда я засиживаюсь в лаборатории допоздна, стану заезжать туда переночевать — будешь готовить мне ночные перекусы в счет оставшейся платы.

Шэн Шаою не терпелось загнать эту маленькую орхидею в собственные владения. — Или ты боишься, что я стану делать что-то непотребное?

— Нет, репутация господина Шэна, разумеется, не вызывает сомнений.

План секретаря Хуа шел как по маслу.

Хуа Лин молча выслушала грандиозный спектакль в исполнении брата-актера и не удержалась от того, чтобы мысленно поднять большой палец вверх. И верно говорят: люди бесстрашны лишь до тех пор, пока не попадутся на удочку собственного обмана, искренне веря, что уж с ними-то подобного не случится.

Вещей у Сяо Хуа оказалось совсем немного: с одним скромным чемоданом он и переступил порог дома господина Шэна.

<http://bllate.org/book/22383/2348218>